

Все вышеперечисленные факторы представляют собой реальную угрозу дальнейшему эффективному существованию и развитию международного права. При схожем развитии ситуации в мире может сложиться крайне неприятная ситуация, при которой чрезмерные амбиции одной, пусть даже самой сильной страны, приведут к очередному расколу мира на два или более блока противостояния. В данной ситуации под угрозой находятся все надежды мирового сообщества на демократичность и бесполярность новой международной системы.

1. Манчестер У. Оружие Круппа. История династии пушечных королей. – М., 1971.
2. Аргументы и Факты. – № 25. – 2006.
3. Аргументы и Факты. – № 31. – 2006.
4. Лукашук И. И. Международное право – Особенная часть. Учебник для юридических факультетов и вузов. – М., 1998.
5. Торкунов А. В. Современные международные отношения. – М., 2001.

Гладковский В. И. (БрГТУ, г. Брест)

МАЯТНИК ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Давно подмечено явление попеременного преобладания тех или иных тенденций на определенных этапах процесса исторического развития, относящегося к весьма широкому кругу явлений. Существование такого явления нашло свое отражение в широко известном выражении о качании «маятника истории». Когда встречаешь выражение «маятник истории снова качнулся», то создается впечатление, будто бы оно не только нечто обозначает, что бесспорно, но и при этом что-то объясняет, что уже не столь бесспорно и не так уж безобидно. Более того, из вполне гипотетического по своей природе предположения о существовании загадочного «маятника истории», делаются вполне определённые и при этом достаточно шокирующие выводы, правда, на неопределённый срок.

Например, чего стоят хотя бы такие строки: «Нынешний триумф рыночного индивидуализма лишь ярче оттеняет насущность разрешения нашего видового противоречия между индивидом и коллективом. Великий маятник истории достиг крайних отметок индивидуализма. Неизбежно его движение к полюсу коллективизма и социализации. Тысячелетние границы окажутся прорваны, словно тонкие нитки. Государства, существовавшие веками, взлетят на воздух» [5; 163-175]. Цитирование, как способ доказательства вышеприведённого утверждения, можно и продолжить: «Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на нелинейности общественного развития, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое пятное, реверсивное течение исторического времени становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения (последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций)» [3; 3-25].

Тема маятника, опосредующая на уровне внешне привлекательного, но, тем не менее, всё-таки образа, некоторую аналогию, отражающую идею смены тенденций развития, присутствует и в истории образования. В частности, В. Г. Бондарев пишет, что «маятник истории» в процессе развития образования в очередной раз качнулся от идеи эгалитаризма, означающей, прежде всего, одинаковость условий и результатов образования, в сторону либертарности, предполагающей свободу выбора содержания, методов и средств образования в попытке найти соответствие с «субъектным опытом» и «индивидуальным профилем» [2; 59].

Интересно попытаться связать веру в реальность качания «маятника истории» с двойственностью мышления, проявляющегося на уровне различия между рассудком и разумом в так называемых *антиномиях*. В энциклопедическом словаре [1; 39] отмечается, что антиномиями Кант считал вовсе не всякие, противоречащие друг другу суждения, а только те доказанные суждения, истинность которых не может быть непосредственно проверена при помощи опыта. В таблице 1 приводятся четыре группы противоречащих друг другу суждений, касающихся, по Канту: 1) пространства, 2) его деления, 3) возникновения и 4) зависимостей существования.

Таблица 1

Утверждение	Противоположное утверждение
Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве.	Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве.
Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей.	Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей.
Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы.	Для объяснения явлений необходимо допустить свободную причинность.
К миру принадлежит абсолютно необходимая сущность, выступающая либо в форме его части, либо в форме его причины.	Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины.

Аналогично, противоречивые по своей природе и также равнозначно доказываемые высказывания, истинность или ложность которых невозможно проверить опытным путем, существуют и в области образования. Так, Ю. В. Громько приводит в своей монографии [4; 34-35] следующие утверждения, сведённые в таблице 2.

Таблица 2

Утверждение	Противоположное утверждение
Образование должно стать сферой услуг.	Образование должно стать средством интегральной социальной политики.
Образование является надстройкой, полностью определяющейся типом складывающихся в обществе экономических отношений.	Образование – это субъект общественного действия, который может со своих позиций предложить определенный сценарий развития страны на основе целевых инвестиционных вложений в создаваемый человеческий капитал.
В настоящий момент необходима реформа образования.	В настоящий момент никакая реформа образования не нужна, нужна финансовая стабилизация в образовании и разработка программы антикризисных мер.
Основная задача реформирования образования – ввести в отрасль тип отношений, сложившихся в настоящий момент в социуме.	В образование не надо вводить псевдорыночные отношения, вместо этого необходимо всемерно использовать образование и науку как инфраструктурные факторы формирования цивилизованного рынка, как средство для опережающего движения в будущее.
Необходимо расслоить образование, выделив элитарное, высокооплачиваемое образование высокого уровня за счёт опоры на богатые слои населения и снизить уровень массового образования.	Необходимо сохранять достаточно высокий уровень массового образования.

Исследуя антиномии чистого разума, Кант пришел к выводу, что первые две антиномии являются одинаково ложными. По отношению к третьей и четвертой антиномиям Кант установил, что и тезисы и антитезисы могут быть одновременно истинными, хотя и в разных отношениях, т. к. они представляют собой «синтез разнородного» – феноменов и ноуменов, т. е. реально существующего и обозначаемого. По мнению Г.П. Щедровицкого такая ситуация одновременной истинности двух противоположных утверждений свидетельствует о существовании кризисной точки в развитии данной науки [6; 158-165]. Рефлексивное отношение к приведённому мнению создает предпосылки для следующего утверждения: задача синтеза взаимоисключающих положений в области образования является актуальной и необходимой, поскольку от правильности решения этой задачи зависит развитие образования в будущем. Или пресловутый маятник истории так и будет качаться, как неприкаянный...

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Бондарев В. Г. Современные парадигмы в образовании. На пути к целостности и самоорганизации / В.Г. Бондарев. – Мн.: НИО, 2003. – 128 с.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы философии. – 2005. – № 9.
4. Громыко Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). – Мн.: Техно-принт, 2000. – 376 с.
5. Миронов В. Н. Философия истории Фридриха Ницше // Вопросы философии. – 2005. – № 11.
6. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.

Коновод Л. М. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)

ПРОБЛЕМА «НЕВЕРБАЛЬНОГО» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОНКРЕТНОЙ ПОЭЗИИ

Современный литературный процесс характеризуется ситуацией, когда стандартные универсалистские трактовки утрачивают свои объяснительные и прогностические функции. Необычайно распространенными становятся стратегии письма, направленные на эксперимент и новаторство. Происходит актуализация позитивности непонимания, генерация нового языка описания культурных феноменов. Своеобразным эпицентром современных тенденций становится проблематизация языка. Для литературы и культуры последних десятилетий особенно важной становится реальность культуры, «мир как текст». Перенесение внимания с универсального, рационализованного «картезианского» языка на язык естественный задает совершенно иные координаты литературоведческим исследованиям. Теоретики постмодернизма акцентируют внимание на уникальности языка художественного произведения (Р. Барт), субъекта (Ж. Лакан), исторической эпохи (М. Фуко), практически не упоминая о «языке вообще».

Мировоззренческую, эстетическую и поэтическую основу подобных современных тенденций во многом сформировали направления середины XX века, объединяемые в понятие неоавангарда. Немецкоязычная конкретная поэзия – одно из самых ярких неоавангардистских явлений этого периода. Оно фиксирует в себе наиболее характерные, значимые характеристики неоавангарда и, одновременно, предвосхищает появление значительной части характеристик литературы современности. Демифологизация реальности, обнажение её истинных механизмов, которые закамуфлированы господствующими идеологическими и эстетическими представлениями, идеи спонтанности, адогматичности творчества являются ключевыми и для конкретизма как неоавангардистского явления, и для литературы постмодернизма. Разграничение понятий «произведение» и «текст», предложенное Р. Бартом, опирается на практику неоавангардизма, где распространено представление о художественном произведении как тексте, открытом для самых разных интерпретаций и импровизации [2].

Немецкоязычная литература конца 50 – 60 гг. обогащается за счёт активизации литераторов-экспериментаторов, направляющих свой социальный критицизм на поиски недискредитированного языка, на преодоление привычных лингвистических форм, обслуживающих порочную действительность. Интерес к механизмам функционирования языка в творчестве Х. Хайсенбюттеля, О. Гомрингера, Ф. Мона, Э.Ю. Борхерс, Г. Рюма и Э. Яндля сочетается с исследованием проблемы отчуждения, выступлениями против диктатуры унификации, создания культурной индустрии, размышлениями о традиционных формах развития западной культуры, близкими Франкфуртской школе неомарксизма. Анархистским бунтом против устоявшихся канонов в художественном творчестве отмечены произведения и П.О. Хотьевитц, П. Хандке, Р. Бринкмана, Г. Ахтенбуша, В. Бауэра, по-своему развивающих идею недоверия традиционным идеалам. «Слова разваливаются во рту, словно гнилые грибы, – пишет Г. Зальцингер, – все прилагательные стали сомнительными, потому что у нас вызывают ужас те этические и эстетические категории, которые выкристаллизовались в языке как прилагательные...» [8, 126].